

1976?

Ю. К. БЕГУНОВ

Јуриј К. Бегунов

ТРИ ОПИСАНИЯ ВЕСНЫ

ТРИ ОПИСА ПРОЛЕЋА

Отисак из публикације *Зборник историје књижевности*, књ. 10
Српске академије наука и уметности.

Extrait du publication *Recueil des travaux de l'histoire de la littérature*, № 10
de l'Académie serbe des sciences et des arts.

БЕОГРАД

1976

Ю. К. БЕГУНОВ

ТРИ ОПИСАНИЯ ВЕСНЫ

(Григорий Назианзин, Кирилл Туровский, Лев Аникита Филолог)

Весна — одно из самых поэтических времен года — всегда была и остается символом жизни и всеобщего обновления. Её описания нередки в мировой литературе. Известны они со времен поздней античности и во все Средние века. В древнерусской литературе, как отмечала А. Б. Никольская¹, описание весны находим во второй половине XII в. в „Слове“ Кирилла Туровского „на антипасху“ и „неделю Фомину“ „о артусѣ и о Фоминѣ испытаныи ребр господних“, в Сибирской летописи и в „Повести книги сея от прежних лет“ XVII в., приписываемой князю И. М. Катыреву-Ростовскому. Еще раньше в 1858 г. М. И. Сухомлинов иллюстрировал символический взгляд средневекового книжника на природу примерами из „Слова на неделю новую, на весну и на память мученика Маманта“², произнесенного Григорием Богословом 16 апреля 383 г. в г. Назианзе. Описание весны в этом „Слове“ послужило моделью для туровского проповедника. „Григорий Богослов, — писал М. И. Сухомлинов, — представил поэтическую картину, и символический смысл её выразил словами: „Царица годовых времен исходит во срѣтение царице дней, и приносит в дар“, и т. д. Применения ограничиваются одним обращением к слушателям: „о если бы поступали так и мы, Христов пчелник, мы, имеющие перед собою такой образец мудрости и трудолюбия“, и одним — к себе самому, как к поэту и оратору: „хвалебная их песнь делается моею: от них я беру повод к песнословию“. Но Кирилл Туровский, по примеру позднейших византийских ораторов, ищет таинственного смысла не в целом, а в частностях, делает постоянные применения, и тем ослабляет действие поэтической картины.“³ А. Б. Никольская вспомнила и о „Слове“ Иоанна Дамаскина „на рождество Христово“, в котором также находится описание весны,

¹ А. Б. Никольская, *К вопросу о пейзаже в древнерусской литературе. (Несколько описаний весны)*, Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников под ред. академика В. Н. Перетца. Л., 1928, стр. 433—439.

² М. И. Сухомлинов, *О сочинениях Кирилла Туровского*. — В кн.: *Рукописи графа А. С. Уварова*. Т. II. СПб., 1858, стр. XXXII—XXXVII.

³ М. И. Сухомлинов, *О сочинениях Кирилла Туровского*, стр. XXXV.

построенное по модели назианского епископа. Если М. И. Сухомлинова интересовали способы символического описания природы греческими и русскими ораторами, то А. Б. Никольскую описания весны интересовали как пейзаж, т.е. с точки зрения из эстетической значимости. Однако оба исследователя прошли мимо возможности изучить функциональную роль этих описаний в контексте соответствующих литературных произведений. Сравнение этих двух ораторских произведений продолжил Андрэ Вайян.⁴ Он отчасти суммировал наблюдения русского академика, а отчасти продолжил их, сообщив кое-что о функциональной роли описаний весны в контексте произведений.

„Весна“ у Григория Назианзина — настоящая весна, описанная по всем правилам софистики, — пишет французский исследователь, — так, прочитав поучение, основанное на сходстве значений „Воскресения“ и „обновления“, великий оратор в конце своей гомилии воспекает весну не только для того, чтобы соединить радость природы с радостью церкви, празднующей Воскресение; он на самом деле присутствует на весеннем празднике, и из следующей затем краткой похвалы св. Маманту, патрону церкви, где он произносит свою речь, становится ясным, что мощи св. мученика покоятся под открытым небом и вне церкви совершается процессия, — добавляет он радостно. Это все же весна для всех, как для язычников, так и для церкви, и поэтому он возглашает: „Теперь это весна для всех, весна духа, весна для души, весна для тела, весна видимая, весна невидимая“.

У Кирилла Туровского подражание Григорию Назианзину вставлено в середину гомилии и является особым звеном в цепи логических аргументов после противопоставления опреснокам евреев квасного хлеба христиан и перед комментарием на текст Евангелия от Иоанна 20 19—31, перед явлением воскресшего Христа апостолам и Фоме. Описание весны введено с помощью двух симметрически расположенных цитат из апостола Павла „Днесь ветхая конец прияша и се быша вся нова, видимая же и невидимая“. Григорий Назианзин сравнил праздник Воскресения с праздником природы, но в весьма общих чертах, довольствуясь одной короткой фразой, в которой он приводит пчел в пример людям. У Кирилла все становится аллегорией: пчелы более не пчелы, а символы, также и солнце, луна, все предвестники весны... и т.д.“⁵ В понимании А. Вайяна, Григорий Назианзин — великий лирик и поэт природы; его подражатель, Кирилл, также поэт природы, несмотря на дидактический характер его поэзии и обусловленность чувства природы религиозным мироощущением.

И всё же функциональная роль описаний весны в произведениях назианзского и туровского проповедников осталась до конца не раскрытой.

В. П. Адрианова-Перетц разъяснила, что „пейзаж в средневековой литературе не имел самостоятельного значения: как бы слабо он ни был

⁴ A. Vaillant, *Cyrille de Tourov et Grégoire de Nazianze*, Revue des études slaves, t. XXVI. Paris, 1950, p. 34—50.

⁵ Там же, p. 47—48.

развит здесь, роль его всегда была чисто служебная. Подчеркнуть картиной природы могущество творца ее, изобразить в виде расцветающей весенней природы всеобщую радость христиан, вспоминающих рождество или воскресение Христово, представить „безбожие“ и ереси, подрывающие истинное вероучение, в виде холодной зимы — вот основная задача включения картин весенней и зимней природы в памятники христианской проповеди, — писала В. П. Адрианова-Перетц. — Именно в таком применении, — продолжала она, — вводят весенний и зимний пейзажи в свои „слова“ уже древнейшие русские ораторы. Так, Кирилл Туровский использует картины зимнего умирания и весеннего возрождения природы для символического их истолкования в „слове на антипасху и новую неделю“, повторяющем приём Григория Богослова.“⁶

Назначение описания весны в контексте проповедей Кирилла Туровского раскрыл И. П. Еремин. Он писал: „Приступая к повествовательной части речи, Кирилл обычно перебрасывал мост от прошедшего к настоящему... Иллюзия становилась почти явью, когда Кирилл в тех же целях евангельский рассказ дополнял описанием весеннего расцвета природы. Дважды весна у него выступает соучастницей евангельских событий. И в этом нет ничего неожиданного: праздники, в честь которых Кирилл составлял слова, отмечались церковью как раз в весеннюю пору года. В слове „на неделю Цветоносную“ описание того, что творится тут же рядом, за стенами храма, кратко завершает собою повествование, в слове „на неделю Фомину“ — предшествует ему. В обоих случаях картина условна: указываются одни лишь самые общие, постоянные признаки, и все же весна в изображении Кирилла — настоящая весна: ярко светит солнце, зеленеют деревья, благоухают цветы, разливаются реки, сооружая соты перелетают с цветка на цветок пчелы, на лугах пасутся стада, играет на свирели пастух, а на полях уже „ралом“ бороздят землю пахари. Картина весеннего обновления природы, вставленная в евангельский сюжет, „приближала“ его к слушателям. Но и сама она, на фоне сюжета, осложнялась в своем художественном содержании. Между природой и евангельскими событиями устанавливалась зримая таинственная связь; ликующая весна, по замыслу Кирилла, должна была напомнить слушателям обновление человека во Христе.“⁷ В таком же духе высказывается и Д. С. Лихачев: „Кирилл Туровский в „Слове на Фомину неделю“ приводит сложную параллель между пасхой и весенним временем года, сливая традиционный символ пасхи в реальную картину расцветающей природы.“⁸ Все эти наблюдения безусловно верны. Однако здесь нам кажется, было бы не бесполезным внести некоторые уточнения. Прежде всего, оба рассматриваемые описания весны — это *ἔκφρασις*, *descriptio*, описание. Цель

⁶ В. П. Адрианова-Перетц, *Очерки исторического сийля Древней Руси*, Л., 1947 стр. 41—42.

⁷ И. П. Еремин, *Ораторское искусство Кирилла Туровского*, ТОДРЛ, т. XVIII М.-Л., 1962, стр. 54—55. Ср.: И. П. Еремин, *Лекции по древней русской литературе* М., 1968, стр. 86.

⁸ Д. С. Лихачев, *Поэтика древнерусской литературы*, Л., 1967, стр. 163.

этого описания представить лица, объекты, события в живой и детализированной манере, но по своей функции это смысловая фигура и в поэзии и в прозе может служить либо средством амплификации, например, в построении образа основанного на подобии (*similitudo*, *παράβολή*), или для разития рассказа, либо эпидейктической формой дефиниции, т.е. описания предмета похвалы с точки зрения его качеств. Экфразис, основанный на ландшафте, знали теоретик Гермоген из Тарса I—II в. н.э.), младшие софисты и христианские ораторы III—IV в. Теория экфразиса в наиболее полном виде была разработана в VI в. теоретиками и поэтами так называемой Газской школы — Прокопием Газским и Павлом Силенциарием (экфразис храма св. Софии).⁹

У них аллегоризму отводится большая роль. Таким образом, экфразис Григория Назианзина, почти лишенный аллегорий, относится к до-Прокопиевскому периоду в развитии экфразиса, а экфразис у Кирилла Туровского — к после-Прокопьевскому. Византийская торжественная проповедь IX—XI вв. в так называемый период „неоклассицизма“ не мыслилась без аллегорий, без использования древнегреческой мифологии, без сложных и запутанных риторических построений и экфразиса (см. напр.: проповеди патриарха Фотия, Георгия Никомидийского, Арефы, Иоанна Мавропода и др.). В русле подобной эпидейктики находилось и творчество лучших русских ораторов Киевской Руси — Илариона и Кирилла Туровского.

Мы согласны с В. П. Адриановой-Перетц, А. Вайяном, И. П. Ереминым и Д. С. Лихачевым в том, что описание весны у Григория и Кирилла служит амплификации в построении образа (Воскресение Христово — весна), а у Кирилла еще и для развития евангельского рассказа, так что „между природой и евангельскими событиями устанавливалась зримая таинственная связь“ (И. П. Еремин). Добавим, что причина этой таинственной связи усматривается нами в особом характере творчества средневекового книжника, которое аналогично античному *mimesis* было „не переигровкой роли“, а „вспоминанием о прошлом“. Это происходило потому, что Кирилл Туровский, очевидно, разделял представления господствовавшей в Средние века трансцендентальной эстетики, когда предметом искусства объявлялся не доступный органам чувств человека быстро меняющийся реальный мир, а вечная и неизменная божественная идея, открывающаяся лишь умственным взору. При этом художественный образ представлялся неким подобием этой идеи мира и выглядел в глазах древнерусского человека большей реальностью, нежели открытый его чувствам мир. Неудивительно поэтому, что в художественном восприятии Кирилла образы действительности превращаются в символы максимально близкие к божественной идее мира.

⁹ H. Lausberg, *Handbuch der literarischen Rhetorik. Eine Grundlegung der Literaturwissenschaft*. Bd. I. München, 1960, S. 544; L. Arbusow, *Colores rhetorici. Eine Auswahl rhetorischer Figuren und Gemeinplätze als Hilfsmittel für akademische Übungen an mittelalterlichen Texten*. 2 Auflage. Göttingen, 1963, S. 26—28, 70—74; A. Hohlweg, *Iskphrasis*, Reallexikon zur byzantinische Kunst. Bd. II, 1967, S. 33—75; T. Viljamaa, *Studies in greek encomiastic poetry of the early byzantine period*, Helsinki, 1968.

Так, вспоминая о событиях евангельской истории, туровский епископ пытался воссоздать такой тип поведения в современной ему жизни, который приблизил бы небесный идеал к земному. Интересны и способы построения описания весны у обоих проповедников. Ландшафтный экфразис это наиболее общее отражение древнего *topos loci amoenus* („преlestное место“), который строился за счет богатства внешнего оформления и великолепия перечисляемых номенклатур, как например, у латинского писателя VI в. Кассиодора в *Amoenitas loci: variorum libri*. (Luccduni, 1677).¹⁰ Один из древнейших примеров этого топоса мы встречаем еще в Псалтыри в песне Иеремиевой и Иезекииевой на переселение людей: „Посѣтилъ еси землю и упоилъ еси ю, умножилъ еси обогатити ю: рѣка божия наполнися водъ; уготоваль еси пищу имъ, яко тако естъ уготование. Бразды ея упой, умножи жита ея: въ капляхъ ея возвеселится возсияющи. Благословиши вѣнецъ лѣта благости твоя, и поля твоя исполнятся тука: разбогатѣють красная пустыни, и радостию холми препояшутся. Одеясая овни овчии и удолия умножат пшеницу: воззовут, ибо воспоют“ (Пс. 64:10-14).

Внешнее формирование стилистического периода кажется более скромным у Григория Назианзина, чем у Кирилла Туровского, но и более архитектурным и стройным, а по великолепию номенклатур одно описание не уступает другому. Правда, у Кирилла Туровского нет изображений волнующегося моря (см. приложение, текст, период No 4), корабля, отчаливающего от пристани и дельфина, который, „вздыхавъ, акы зѣло сладкое испущаем, и отпушает корабленики с благодушствомъ“; значительно изменены у Кирилла Туровского тексты периодов No 9 и 10 (ср. периоды No 7a и 7б). Может быть, это сделано сознательно, так как вблизи города Турова в самом деле нет моря. Сами стилистические периоды — краткие и лапидарные у Григория, — весьма распространены у Кирилла Туровского за счет нескольких колонов, содержащих толкования и цитаты из Священного писания (см. периоды No 2a, 2б, 3, 5, 6, 7a, 7б, 8, 11). Большинство из 15 периодов описания начинаются с анафоры „нынѣ“ (10) или „Днесъ“ (5) они основаны на густом применении метафор, сравнений, подобий, олицетворений и аллегорий. *Parison* и *Isokolon* в периодах мы не наблюдаем; звукопись и этимологическая игра встречаются, но редко.

Ландшафтный экфразис у Григория и Кирилла соединяется с еще одним известным Ветхому и Новому заветам орос названным Э.-Р. Курциусом *Naturangufung*, ибо обращение к природе у ветхозаветных пророков и христианских ораторов проникнуто одной и той же мыслью: природа славит своего творца.¹¹

Традицию ландшафтного экфразиса в древнерусском торжественном красноречии воспринял в XVI в. серб Лев Аникита Филолог, живший, вероятно, на Афоне, который по заказу иноков Соловецкого мо-

¹⁰ E. R. Curtius, *Europäische Literatur und lateinische Mittelalter*. 6 Auflage. Bern—München, 1967, S. 202—206; L. Arbusow, *Colores rhetorici...*, S. 111—116. Ср. А. Бизе, *Историческое развитие чувствийа природы*, СПб., 1890.

¹¹ E. R. Curtius, *Europäische Literatur und lateinische Mittelalter...*, S. Ср.: А. Бизе, *Историческое развитие чувствийа природы*, СПб., 1890, стр. 29 и сл.

настыря, посылавших к нему монаха Богдана между 1534 г. и 1538 г., написал „Слово на Пасху и на память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Зосимы чудотворца, иже во отце Соловецком сущем понта Окиана“.¹²

Свой художественный метод Лев Филолог определяет, как „пление глагол“, и приглашает к сотворчеству своих слушателей и читателей: „Вси же дивящися преподобному ходите, и, округ мене ставше, похваление со мной плетите!“

Здесь похвала Воскресению Христову, как у Кирилла Туровского, соединена с похвалой Весне. Произведение Льва Филолога состоит из следующих 7 частей: (1) Предисловия (Proemium), которое начинается с этимологической игры на тему „божественный Логос и человеческое Слово“: „Подадите и намъ, о мужие, — начинает он, — мало слуха, аще что достойно слуха просвѣщаемъ! Но ничтоже премирныхъ въ насъ достойно слово изъобразится когда. Ипостасное бо Слово настоящему слову виновно есть. Аще и по насъ быти не сподобная сый прежде насъ, и наша восприемъ, насъ оправда, подобнымъ подобное направивъ, но паче слова отчее Слово сотвори. Словом же от Слова почтении, слово Слову принесемъ. Не сего ради низпадаемъ, яко недостижимо Слово, о словесѣхъ слову отричемся“. Далее, Лев Филолог противопоставляет свою творческую манеру манерам других проповедников, которые строят свою похвалу примитивно, стремясь отождествить жизнь святого либо с „овощникомъ многоплоднымъ“, в котором невозможно „изъести всего плода“, либо с источником водным, который невозможно осушить даже при великой жажде, либо с солнцем, свет которого не могут вынести очи. На три риторических вопроса Филолог отвечает: „Не тако братия, не тако“. И, не давая объяснений заинтригованным читателям, проповедник лишь напоминает о том, что праздник сего святого совпадает с днем празднования Воскресения Христова, и поэтому воспевает его: „Сиде должны есьми и въ настоящее торжество благодарить и славословити Бога — Слова, воплотившегося за наше спасение и пострадавша, умерша и погребенна, и тридневно воскресша...“ (стр. 230). Затем он переходит далее к (2) похвале пасхе (Argumentatio I), которое заканчивается описанием воскресившей и оживившей всю природу весны. „Радуется и веселимся Христову вос-

¹² Памятники древнерусской духовной письменности. Житие преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и похвальные слова в память их. — ПС, Казань, 1859, ч. 2, стр. 229—240, 347—368, 471—511. Об этом писателе см.: Д. С. Лихачев, *Забывший сербский исайяель первой половины XVI века Аникиты Лев Филолог*. — In.: Publications of the Modern Humanities Research Association. Vol. II. Горски виенац — A garland of essays offered to Professor Elisabeth Mary Hill. London, 1970, стр. 215—219.

Имеется возможность более точно датировать „Слова на Пасху и на память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Зосимы...“, так как в указанный промежуток времени (1534—1538 г.) день памяти Зосимы Соловецкого (17 апреля) ближе всего соприкасался со днем празднования Пасхи в 1536 г. (16 апреля). В 1534 г. Пасха праздновалась 5 апреля, в 1535 г. — 28 марта, 1537 г. — 1 апреля, 1538 г. — 21 апреля. Значит, Лев Аникита Филолог написал это свое произведение, всего вероятнее, в течение зимы-весны 1536 г.

кресению! Вся бо купно свеселуются празднику, вся на лучшая срещутся“ и т.д. (стр. 233—235).

Вслед за тем проповедник восклицает: „Нынѣ святии подвижницы собираются, и светлы чины состраютъ христосолюбца, и подвиги показуютъ, въ нихъ же есть единъ отъ нихъ и мой вѣчникъ, — мой бо еще и не у мене, да отбѣгнетъ жалость, вѣдущимъ, глаголю, изволение бо любви, а не мѣсту разстояние да судится, — словый Зосима черноризецъ, черноризецъ убо и презвитерь и наставникъ...“ (3) Похвала Зосиме (Argumentatio II), потому, является как бы продолжением предыдущей похвалы и основная цель её состоит в уподоблении Зосимы весеннему солнцу, оживившему всю мертвую и темную дотеле страну Соловецкую!

Похвалы сменяются (4) подробным рассказом о Житии Зосимы (Narratio I), где картинно и напыщенно изображается пощение, бдение, моление и борьбу святого с суровой природой и бесами в облике змей.¹⁸ Далее идут (5) славословие чудесам Зосимы (Narratio II). За ними идут (6) краткая похвала „от пасомых“ (Argumentatio III) и (7) заключение (Argumentatio IV) где проповедник обращается с мольбой к святому Зосиме: „... и ты же ныне люди и оток и весну поноуляй днесь! Днесь бо многа отсюда съшедшимся различными нрава добротами, еще же съкратив реще;

Ныне весна красна,
весна духовна,
весна душам,
весна телесем,
весна видимая,
весна невидимая,

еяже тамо да насладимся, zde добр изменившеся и нови к новой жизни да препустимся, нетленных благ восприемлюще благодатью и человеколюбием...“

Особенностью композиционной манеры Льва Аникиты Филолога как логографа следует считать обилие Argumentatio (целых три!), 2 из которых предшествуют Narratio, а не следуют за ним как обычно в памятниках славянской эпидейктики XIV—XV веков. Другая особенность — это использование темы весны в качестве ведущей, стержневой, в энкомии святому Зосиме. А третья особенность — обращение к экфразису и как к средству построения образа и как к средству развития темы. Здесь Лев Аникита сближается с Кириллом. Однако если у туровского

¹⁸ Удалось сербскому агиологу и описание в духе loci amoenus природных богатств Большого Соловецкого острова: „И никтоже томо тогда вселися преже нынѣ Савнатия, обаче хотящему тамо селитву имети, ко утешению потребная можетъ поданати земля острова онаго: дубравѣ бо саморасленне суци тамо, и лугове мнози, въ нихъ еже и ягодична лужная сладка на вкушения, и нужную потребу тѣлеси наполююща, и водѣ сладкихъ езера многа, изводяща родове рыбамъ и источници присто истекающа, и земля оратвенная, и вся, яже челоуѣческу жителству исполнютъ“ (стр. 362).

епископа тема весны служит антитезой теме зимы, как и Воскресение Христово Фомину неверованию, то у Льва Филолога тема весны развивается в полной гармонии с основной темой — прославлением Соловецкого подвижника.

Текстуально и в способе построения периодов сербский логограф больше следует за Григорием Назианзиным, чем за Кириллом Туровским: 8 тяжеловесных периодов его описания архитектурны и текстуально близки 13 периодам „Слова“ греческого проповедника. Правда, дело не обошлось и без творческих переосмыслений: так в периоде No 6 мы читаем: „И дерева пупки прошибают, и конь от яслей свободняется...“ а в периоде No 7 — у Льва Филолога рассказывается и о море и о кораблях, ибо Соловецкие острова лежат на Белом море, но только дельфин заменен белугой, которая „от глубины сладце пыскает... тишину и ведро являя.“ Как и Григорий Назианзин и Кирилл Туровский, сербский проповедник не позабыл в конце провозгласить: „природа славит своего творца“. Все три христианских оратора несомненно заслуживают похвалы за то, что сумели, каждый по-своему, донести до своих слушателей и читателей вечную поэтическую красоту весны.

В приложении к настоящей работе мы издаем три интересующих нас текста описаний весны по следующим источникам:

1) Григорий Назианзин — по изд.: А. В. Горский, К. И. Невоструев, *Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки*. Отдел второй. Писания святых отцев. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859, стр. 83—85 (по ркп ГИМ, Син. 117/954, XIV в., л. 81 об.).

2) Кирилла Туровского по изд.: И. П. Еремин, *Литературное наследие Кирилла Туровского*, ГОДРЛ, т. XIII. М.-Л., 1957, стр. 416—417 (по ркп ГИМ, Чуд. 20, XIV в., лл. 186об.—188об.).

3) Льва Аникиты Филолога по изд.: *Памятники древнерусской духовной письменности*. Жития преподобных Зосимы и Савватия Соловецких и похвальные слова в память их. — ПС., Казань, 1859, ч. 2, стр. 233—235 (по ркп ГПБ, Сол. 640/812, XVI в., лл. после 218 до 279).

Јуриј К. Бегунов

ТРИ ОПИСА ПРОЛЕЋА

(Григорије Назијанзин, Кирил Туровски, Лав Аникита Филолог)

Резиме

Григорије Богослов (Назијанзин) уноси у своје „Слово о новој недељи, о пролећу и у спомен мученика Маманта“ (383) краћи симболични опис пролећа. Код Кирила Туровског, руског писца XII века, опис пролећа заузима значајно место у средишту „Слова на Томину недељу“. Пишући своје „Слово на Пасху и у спомен преподобног и богоносног оца нашег Зосима чудотворца“ (1534—1538), Лав Аникита Филолог, руски писац српског порекла који је, вероватно, живео и на Светој Гори Атоској, саставио је према Григорију и Кирилу нов лирски пасус о пролећу. У прилогу аутор упоредо доноси текст описа пролећа код Григорија Назијанзина, Кирила Туровског и Лава Аниките Филолога.